

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В.Г. СТЕЛЬМАХ

Россия и опыт трансформации стран Юго-Восточной Европы (Размышления над новой книгой)

Так уж сложилось исторически, что Россия относится к государствам с догоняющим типом развития. Поэтому мы любим не только сравнивать свое отечество с другими странами и состязаться с ними ("догоним и перегоним Америку" в советское время или Португалию в постсоветское), но и примерять на себя опробованные где-то модели (шведскую, американскую, китайскую, бразильскую), скрупулезно "копаясь" в чужом опыте. Данное обстоятельство усугубляется мучительными и затянувшимися для новой России поисками своих макроидентичностей. Эти попытки самоопределиться в истории и выработать некое общее самосознание (в данном случае неважно – "имперское", "либеральное", "этнонациональное", "гражданское", "евразийское", "демократическое" и т.д.), как и сто лет назад, осуществляются через разграничение или, наоборот, отождествление коллективного российского "я" с той же Европой.

Подобные процессы – естественны: любому человеческому сообществу, любой его группе свойственно стремление, фигурально выражаясь, разместить собственные социально-культурные маркеры в принятой системе координат, вычертить некую линию своего развития и, наконец, сопоставить ее с линиями "соседей", "соперников" и т.п. Проблема здесь лишь в том, что такого рода умственные упражнения даже у представителей образованной части российского общества восходят не только и не столько к историко-культурологическому анализу, сколько к позитивной/негативной комплиментарности. Другими словами, – к подсознательным ощущениям близости или чуждости сопоставляемому, притом не всегда адекватным, а то и вовсе предвзятым.

Сходная по ряду параметров с постсоветской ситуация на Балканах в огромном количестве "тиражирует" примеры, пригодные для субъективных аналогий и необоснованных, но броских, запоминающихся сравнений. Особенно это характерно для югославских сюжетов, ставших "ловушкой" для многих отечественных политиков, экспертов, ученых. Происходившее сначала в СФРЮ, затем в СРЮ, а ныне в Сербии, намеренно или нет извлекается ими из общебалканского политико-исторического контекста и рассматривается не как один из вариантов кризиса полиэтнического государства, а мифологически – в качестве Предупреждения для нас. Начиная с 1990-х гг. такой подход к событиям в этой стране характерен для большинства направлений отечественной политической и общественной мысли, упрощенно трактующей "ситуацию в Югославии как мини-модель дезин-

---

С т е л ь м а х Владислав Геннадьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора проблем культурной политики Федерального государственного научно-исследовательского учреждения "Российский институт культурологии".

Отношение респондентов к идее "Россия для русских" (в %)¹

Вариант ответа	1998 г.	2001 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Положительно	49	58	53	53	58	52	55
(в том числе полностью)	15	16	16	16	19	12	14
Отрицательно	32	20	24	25	23	24	27
Индифферентно	10	11	11	12	9	12	11

Источник [Аналитический... 2007].

теграционных процессов в СССР и России, как полигон для отработки Западом политики по отношению к постсоветскому пространству" [Романенко, 2004, с. 128].

В этой связи публикация Институтом Европы РАН под общей редакцией профессора А. Язвковой коллективной монографии "Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен" [Юго-Восточная... 2007], представляющая собой попытку сугубо научного, многофакторного анализа внутри- и внешнеполитической ситуации в странах этого проблемного региона в крайне сложный для него период (1980-е–начало 2000-х гг.), не может не вызвать интерес. Содержащаяся в ней верифицированная информация об исследуемых предметах дает обильный материал для обоснованных, а не натянутых параллелей с перипетиями современного развития нашей страны. Даже абстрагируясь от воздействия глобальных факторов, нивелирующих современное геополитическое пространство, нельзя не признать, что некоторые этноконфессиональные, цивилизационные, историко-культурные и иные реалии Балканского региона вполне релевантны ряду ситуаций в России. Впрочем, цель моих комментариев – не поиск новых и "правильных" аналогий на Балканах, а попытка осмыслить некоторые наши актуальные проблемы в контексте иногда удачного, но чаще трагичного опыта Юго-Восточной Европы.

Одна из наиболее значимых проблем, к рассмотрению которой побуждает прочтение книги, – национализм² титульного, государствообразующего этноса. Ведь определяющей характеристикой развития кризисной ситуации практически во всех государствах Балканского региона как раз было выраженное стремление этнического большинства к политическому доминированию. Конкретные примеры из их недавней истории "свидетельствуют о том, что первичным конфликтогенным фактором становились инициированные или же поддерживаемые авторитарными режимами претензии доминирующего этноса на исключительную роль в обществе (государстве). Это создавало объективную основу для встречных проявлений национализма и сепаратизма меньшинств, угрозу для целостности государств и региональной стабильности" (с. 117).

В определенной мере аналогичные появления национализма имеют место и в России: СМИ, эксперты и аналитики, кто с искренней тревогой и возмущением, кто с лицемерным сожалением и плохо скрываемым злорадством указывают на: активизацию неонацистских молодежных группировок; увеличение количества периодики радикально-националистического толка; значительный рост популярности лозунга "Россия для русских", в концентрированном виде выражающего идею русской этнократии. Но социологические исследования, фиксируя наличие в российском обществе таких взглядов, дают, на мой взгляд, не столь апокалиптическую, но зато более сложную, многоплановую картину ситуации. Так, по данным Левада-Центра, доля тех, кто разделяют упомянутый

¹ Здесь и далее опущены данные о неопределившихся или затруднившихся с ответом.

² Во избежание категориальной путаницы и схоластических споров о содержании термина *национализм* я ограничиваю его употребление следующим образом: "Идеологический концепт и основанная на нем политическая практика", которые восходят к мифологическому по своей сути представлению, будто только "коллективные общности под названием нации являются естественной и легитимной основой организации государств, их хозяйственной, социальной и культурной жизни" [Национализм... 2007, с. 24].

Дифференциация позиций респондентов относительно русской этнократии (в %)

Обоснование ответа	2003 г.	2006 г.
<i>Мотивы поддержки/отрицания идеи "Россия для русских"</i>		
Поддерживают, если русскими будут считаться все граждане России	30	34
Поддерживают, если ее осуществление пойдет в разумных пределах	20	23
Поддерживают безусловно, требуя ее реализации на практике	16	12
Не поддерживают, так как это осложнит сближение России с Западом	15	12
Не поддерживают, расценивая это как фашизм	13	11
<i>Предпочтительный тип межнациональных отношений в России</i>		
Паритетные (Россия – общий дом многих народов, каждый из которых должен обладать равными правами)	49	44
Иерархические (Россия – многонациональная страна, но русские должны иметь больше прав ввиду их особой ответственности за ее судьбу)	31	36
Доминирование (Россия должна быть государством сугубо для русских)	17	15

Источник [ВЦИОМ, 2006].

лозунг, действительно, увеличилась в начале президентства В. Путина, но далее она стабилизировалась, и говорить о ее значительном росте вряд ли правомерно (см. табл. 1).

Высокий уровень, на котором произошла такая стабилизация настроений, делает важным более детальный анализ смыслов, вкладываемых респондентами в упомянутое требование.

Прежде всего следует обратить внимание на понимание ими сути "русскости". Исследования ВЦИОМ показывают, что количество сводящих ее к примитивному этногенетическому критерию "родства по крови" не превышает 15% (в Москве и Санкт-Петербурге такое мнение, правда, более популярно – 21%). Для остальных же принадлежность к русскому народу определяет воспитание в соответствующих традициях (39%), языковой фактор (12%), исповедание православия (7%) и, наконец, честный труд во благо России (23%) [ВЦИОМ, 2006].

Далее, практически половина (34% против 35%) респондентов, в принципе поддерживающих националистический лозунг "Россия для русских", в действительности неосознанно наделяют его гражданским содержанием, так как для них русские – все граждане страны. И если добавить к ним тех, кто по различным причинам отрицают идею этнократии как таковую, то суммарная доля россиян, стоящих на гражданских, а не этнократических позициях, составит почти 60%. С этими данными отчасти коррелирует информация о предпочтительном типе межнациональных отношений в стране. Относительное большинство опрошенных – 44% – склоняются к этническому паритету, то есть к одинаковым правам для всех народов России, тогда как доля сторонников выраженного доминирования русского большинства над остальными согражданами составляет 15% (см. табл. 2).

Такое, пусть преимущественно интуитивное, не всегда осознанное тяготение россиян к конституированию гражданской нации (обществу-нации) – то, что отличает нас от стран Юго-Восточной Европы. Но проблема, увы, этим не исчерпывается. Хотя убежденные этнократы-гегемонисты составляют небольшую, порядка 15% часть населения России, спектр националистических взглядов в нашей стране гораздо шире. Обыденные представления людей, которыми они руководствуются в рутинных жизненных ситуациях (трудоустройство, выбор круга общения, предпочтения относительно соседства, оценка справедливости или несправедливости существующего порядка вещей и т.д.), наполнены как ситуационными, так и устойчивыми ксенофобными стереотипами, в своей совокупности составляющими, если так можно выразиться, "культуру интолерантности". Это определение, конечно, не строгий термин, а аналитический конструкт, притом используемый не в оценочном, а культурологическом смысле. Оно обозначает одну из

подсистем массового сознания³, обладающую своими концептами (категориями) и ценностями, правилами и нормами (регулятивными функциями), которые восходят к одномерным оценкам этнокультурных взаимодействий исключительно в категориях "потерь" и "ущерба".

На уровне массовых представлений такие оценки трансформируются в недоброжелательное отношение к меньшинствам и мигрантам. Вот некоторые его характеристики по результатам опросов 2006–2007 гг. Так, если говорить о мигрантах, то хотя только 31% респондентов (что само по себе достаточно много) отрицательно относятся к гастарбайтерам из Белоруссии, Украины, Молдавии и других стран СНГ (нейтрально – 49%, позитивно – 18%), почти вдвое большее количество – 57% – выступают за жесткое ограничение потока приезжих в Россию. Конечно, подобные взгляды хотелось бы увязать с наплывом этнических мигрантов, который не может не вызывать естественную нормативную поведенческую реакцию старожилов: чувство тревоги, настороженности и дискомфорта. Однако такое отношение распространяется отнюдь не только на приезжих. В частности, 32% россиян считают, что во многих бедах нашей страны "виноваты люди нерусских национальностей" (противоположного мнения придерживаются 58%). А 42% убеждены, что национальные меньшинства у нас "имеют слишком много власти" (не согласны с этим утверждением 47%) [Аналитический... 2007]. Хотя в истекшие пять–шесть лет открывшуюся враждебность со стороны представителей других этносов ощутили не более 10% опрошенных, куда большее их количество считают, что на территории России целесообразно ограничить проживание некоторых национальностей. Порядка 41–42% респондентов выступают за рестрикционные меры в отношении выходцев с Кавказа и китайцев, 35% – вьетнамцев, 29% – цыган, 23% – представителей народов бывшей советской Средней Азии, 13% – евреев, 7% – украинцев, 11% – всех наций, кроме русской (против политики ограничений высказались 25%) [Аналитический... 2006].

Итак, многие россияне живут в атмосфере подозрений, латентной или открытой неприязни к представителям меньшинств – как мигрантских, так и "своих". Значит в социальной среде страны присутствуют конфликтогенные факторы, обуславливающие накопление потенциала интолерантности основного населения к иноэтническим и мигрантским группам. Исследование генезиса и причин существования у изрядного количества наших сограждан гибридного сознания, когда люди, тяготея к гражданским формам групповой идентификации, одновременно живут по стандартам "культуры интолерантности", тема отдельного и междисциплинарного исследования. Поэтому здесь я ограничусь двумя замечаниями. Во-первых, не следует, как это часто делается, возлагать ответственность за существование в нашей стране ксенофобии только на традиционалистский, антирыночный, антимодернизационный и т.п. менталитет русских. Как правило, их интолерантные взгляды формируются под воздействием реально существующих негативных сторон межэтнического взаимодействия: безработицы и нечестной трудовой практики, подпитываемой притоком дешевой рабочей силы из стран "ближнего зарубежья"; игнорирования некоторыми представителями меньшинств под прикрытием идей "культурного плюрализма" традиций и норм поведения, принятых в русском обществе, и т.п.

Во-вторых, независимо от того, нравится это кому-то или нет, интолерантность, подобно своему антиподу – толерантности – столь же естественный элемент жизни любого социума (см. [Петров, 2003]). Более того, она может быть позитивной, будучи, например, направленной на борьбу с коррупцией или нарушениями гражданских прав. Поэтому для стабильного развития общества важно не отсутствие интолерантности как таковой, а ее содержание и, главное, уровень. В настоящее время в России интолерантность как форма социального взаимодействия этнического большинства и меньшинств не выливается в устойчивую систему формальных и неформальных дискриминацион-

³ Прямая аналогия – культурологическое истолкование термина "язык" (см. [Goodenough, 1981]).

ных практик в отношении последних. Следовательно, она, не выходя за естественные границы своего культурного пространства, пока не "обрушивает" иные социальные сети. Однако в условиях общесоциального неблагоприятия фондовая этническая интолерантность, выражающаяся в фобиях, настороженном или высокомерном отношении к согражданам – представителям других этносов, способна обернуться серьезными конфликтами. Печальный опыт Юго-Восточной Европы учит, что "национализм (в различных его ипостасях) наряду с тупиковыми путями социально-экономического развития... стал глубинной причиной, которая в конечном счете дестабилизировала обстановку в регионе" (с. 136). С этим выводом авторов коллективного труда нельзя не согласиться.

В аналогичной ситуации возрастает роль политической стратегии властей относительно регулирования идущих в стране этнических процессов. И здесь вновь уместно обратиться к негативному опыту Балканских стран, власти которых в подавляющем большинстве прямо или завуалированно потворствовали росту националистических комплексов и ксенофобных настроений доминирующего этноса. Как справедливо отмечают авторы монографии, для поддержания в обществе националистического настроя (будь то идея "Великой Сербии", принудительная румынизация трансильванских венгров или грубое давление греко-кипрской общины на турок-киприотов) одних политических мер было недостаточно. «Созданию соответствующих "масс-эмоций" способствовало сознательное формирование негативных стереотипов или "образов врагов" в лице своих оппонентов» (национальных меньшинств, соседних государств и т.д.). А эта активность ложилась на благодатную почву, ибо «подобного рода стереотипы формировались в течение длительного времени, имея под собой некую "историческую первооснову": опыт совместного или раздельного проживания, конфронтации и войн, приобщенности к центрально-европейской или какой-либо иной политической культуре» (с. 137).

Казалось бы, перечисленные политические практики, использовавшиеся на Юго-Востоке Европы, имеют мало общего с безупречно выглядящей стратегией российского руководства, официальная цель которой – построение в России общества-нации (политической нации). В публичном дискурсе и в первую очередь в посланиях Президента РФ Федеральному собранию употребление термина "нация" и его производных ("российская нация", "граждане России", "единный народ России" и т.д.) в современном гражданском, а не в традиционном этнокультурном значении, стало статус-социальной нормой. Но правильные слова произносятся, тиражируются СМИ и все... остается, как и ранее, на уровне сложившейся *de facto* практики взаимодействия многочисленных этносов, субэтносов, мигрантских общностей, формирующейся на основе народной "культуры интолерантности".

Существует точка зрения, будто такое несоответствие реальности и декларированных правительством целей происходит оттого, что истинное отношение российской политической элиты к проблеме национализма определяет цинический прагматизм. Аргументируется эта позиция так: «Существование радикальных националистов позволяет Кремлю эксплуатировать образ "единственного европейца»» [Кутковец, Клямкин, 2002]. Отсюда проистекает латентное потворство русским националистическим партиям, движениям и СМИ, поскольку без «такой "русской системы"... элита не в состоянии управлять обществом» (см., например, [Виноградов, 2006]).

Ни в коей мере не отрицая факт использования отечественным политическим классом жупела русского национализма в пропагандистских целях (особенно для "внешнего пользования"), я все-таки склонен считать, что первопричина проблемы в ином. Правящий слой России пытается строить общество-нацию, но на основе не гражданского, а неоимперского проекта, объективная суть которого – не столько добровольный в рамках единого политического пространства союз различных групп граждан, идентифицирующих себя по тем или иным критериям, сколько объединение "верноподданных" через лояльность к существующему режиму. Поэтому последний, сталкиваясь на практике со сложностью регулирования межнационального взаимодействия, по умолчанию практикует свой, верхушечный вариант "культуры интолерантности". Вольно или не-

вольно режим как бы "выталкивает" этнические общности (одну из естественных форм коллективной идентичности) за границы социально-политического пространства, ибо их весьма неоднозначная роль в социуме не очень вписывается в модель "мобилизационной модернизации" (термин Р. Бендикса), которую российские власти пытаются реализовать. Отечественные сторонники преобразований, взяв на вооружение примитивно трактуемую ими концепцию "воображаемых общностей" Б. Андерсона и некоторые другие идеи западных теоретиков этноконструктивизма, по существу, понимают национализм как неадекватную времени, архаическую форму коллективного поведения или же "как искусственно внедренное зло" [Старовойтова, 1999, с. 20]. Тогда как это – реально существующий, вполне современный, хотя, наверное, и не самый симпатичный и удобный в политическом обиходе феномен.

Данная интерпретация национализма ведет либо к примитивному увязыванию этнических проблем с экономикой (точнее – с издержками последней), либо к конспирологической идее индоктринирования кем-то в массы населения устарелых и "неправильных" идеологем, которые нужно заменить на "правильные". Интересно отметить, что "отрицание национального начала" как источник подобных опасностей вскрыл еще русский философ Ф. Степун после Второй мировой войны. Прекрасно видя "лживость и грешность национализма и его ответственность за тяжелое и одновременно преступное положение мира", он все же считал бессмысленным "отрицать положительное значение нации как некоего своеобразно соборного облика многоликой человеческой культуры". Словно предвидя издержки современного конструктивистского подхода к понятию "этничность", философ указывал на недопустимость отождествления категорий "нация" и девиантной формы групповой идентичности – "национализма" как, по аналогии, нельзя отождествлять понятия "личность" и "эгоизм" [Степун, 2000, с. 941]. Следует стремиться не к исключению этничности из социально-культурного пространства словно какого-то пережитка, который в эру глобализации лишь докучает цивилизованным людям, а к демифологизации и деполитизации упомянутого социального феномена и определению приемлемых для общества границ его функционирования.

Между тем желание избавиться от "неудобств", сопряженных с трудностями межнационального регулирования, обернулось, как справедливо подметил Э. Паин, имитацией нынешними властями строительства в России гражданской (политической) нации [Паин, 2006, с. 26–27]. Действительно, в национальной политике правящего слоя присутствует немереное количество всевозможных имитационных практик, как бы создающих виртуальный образ толерантного гражданского общества, в котором общая атмосфера межнационального взаимодействия соответствует европейским критериям. Тут присутствуют: замалчивание причин и масштабов этнической конфликтности вместо разработки мер, поддерживающих баланс этнических интересов;

– неумение и/или нежелание обуздать радикальные националистические организации и экстремистские СМИ, взращивающие этнофобии русского и нерусского населения, правовыми методами, которые подменяются сугубо селективным и юридически бесперспективным административным нажимом;

– отсутствие внятной и приемлемой для большинства россиян политики дозирования иммиграционных потоков, компенсируемое милицейскими рейдами по местам работы гастарбайтеров, и пр.

Перечень аналогичных имитаций можно продолжать до бесконечности, но целесообразнее указать на другое. Имитирование чего-либо в общественной сфере – очень опасная тенденция. Даже при наличии самых лучших намерений по строительству гражданской нации (общества-нации) не стоит уповать на ее внешние и формальные компоненты – те же правильные законы и тем более политкорректную риторику, создающую вербальный образ общенационального единства. Опыт построения "новой исторической общности – советского народа" это подтверждает.

Так же репрезентативен и пример Румынии, где имитация политической нации была доведена до логического завершения. В этой стране, например, еще в 1945 г. был принят закон, запрещающий производить выяснение этнического происхождения граждан с

целью профилактики применения против них дискриминационных мер. А в начале 1970-х гг. все население стало именоваться "единой румынской социалистической нацией", и этот термин "стал употребляться для обозначения общности *всех проживавших в Румынии граждан*" (курсив мой. – В.С.). Тогда же в общественно-политический дискурс были внедрены и такие понятия, как "румыны венгерской, немецкой и других национальностей" (с. 123). Чем не практическая реализация в проблемном регионе Европы модели общества-нации, характерной для переселенческих демократий – США, Канады или Австралии! Однако на румынской территории это не привело к позитивному результату. При жестком авторитаризме Н. Чаушеску подобный курс обернулся практикой насильственной ассимиляции для меньшинств, а этническое большинство по мере нарастания социально-экономического кризиса становилось все менее восприимчивым к "наркотикам" государственной идеологии. Одним словом, фантом гражданской нации не спас народы Румынии от реальных потрясений, а авторитарный режим – от краха.

Поскольку речь зашла об идущем в России процессе имитации социально-политических реалий, целесообразно рассмотреть еще один его аспект – широкое применение властями различного рода мобилизационных практик, якобы усиливающих единство общества-нации. Среди них в последние годы значительное место заняла тема НАТО, которая, замечу, у нас сильно мифологизирована. Значительная часть правящего слоя по сию пору пребывает в состоянии психологического ступора, проекцией которого стала идея сохранения за нашей страной интерпретируемого в категориях блокового противостояния статуса мировой сверхдержавы, якобы способной сменить на этой позиции канувший в Лету Советский Союз. Прямое следствие такого подхода – попытки ревитализировать и актуализировать в массовом сознании угрозы со стороны Запада и его "ударного кулака" – блока НАТО, наподобие того, как это было в советскую эпоху. Свидетельство тому – бесконечные разговоры политического истеблишмента о том, что расширение НАТО на Восток – "прямая угроза безопасности нашей страны", что идет "рост геополитических амбиций" Запада, что "нас оттесняют там, где могут", и т.п. Причем раскрытие реального характера этих угроз подменяется многозначительным напоминанием о нашем "крайне отрицательном отношении к этому процессу"⁴.

Приведенные высказывания как бы очерчивают область государственно-идеологического западного мифа. А в либеральной части спектра отечественной общественной мысли присутствует свой вариант мифологических биполярных представлений о Западе как о "полное чудес" – экономических, политических и даже военных, которые превосходят все известные аналогичные образцы "хотя бы по части креативности". И их критика может привести разве что к "восстановлению основных конструкций (советского. – В.С.) режима – железного занавеса и принудительной экономики" [Пумпянский, 2008].

В подобном контексте особый интерес приобретает взвешенная оценка роли Североатлантического альянса на Юго-Востоке Европы, содержащаяся в монографии, ставшей поводом для данных размышлений. Демифологизированный опыт Балканского региона как раз демонстрирует, насколько далек от истины примитивный, в духе советского агитпропа или, наоборот, в стилистике советского диссидентства, образ НАТО-врага (или друга), внедряемый в массовое сознание россиян. Безусловно, в политике этой организации было немало издержек. Так, реализация тех же Дейтонских соглашений 1995 г., приостановивших кровопролитие в Боснии-и-Герцеговине, не решила проблем этой территории. "Возвращение беженцев, изгнанных... и воссоздание многонационального состава населения в границах единого государства... объективно ведет к воспроизводству той этнополитической ситуации, которая и привела к войне", – справедливо подчеркнуто авторами книги (с. 71). Аналогичным образом оценивается установление протектората альянса над Косово, внутренняя ситуация в котором «подтверждает сложившееся об этом крае представление как о "бомбе замедленного дей-

---

⁴ Цитаты приводятся по официальным сайтам Президента РФ и Совета безопасности РФ (www.kremlin.ru; www.scrf.gov.ru).

ствия» (с. 136). Тем не менее стабилизирующую роль блока НАТО в юго-восточной части европейского континента также нельзя игнорировать. Под эгидой Североатлантического альянса, критерием членства в котором выступает соблюдение норм и принципов ОБСЕ, включая мирное разрешение межэтнических конфликтов и территориальных споров, удалось, например, урегулировать, казалось бы, непреодолимые противоречия между Румынией и Венгрией, Грецией и Албанией, Болгарией и Турцией (с. 280).

Наконец, книга убеждает в том, что процесс расширения НАТО носит объективный характер. Хотя бы в том смысле, что лежащее в его основе "стремление вернуться в Европу... разделяли не только лидеры постсоциалистических стран, но и большинство их населения", связывавшее с евроатлантизмом "надежды на лучшую жизнь и искоренение негативных черт авторитарных и тоталитарных режимов" (с. 297). Нетрудно понять, что в нынешней ситуации тяга наших бывших "солагерников" к Североатлантическому альянсу – объяснимая, хотя, вероятно, излишне нервная реакция части тамошнего населения на воинственную риторику наших законодателей, представляющих думское большинство, наподобие заявления о том, что эти страны в случае своего "неправильного" поведения "могут оказаться под прицелом России"⁵.

Из сказанного явствует, что, игнорируя позитивные аспекты роли НАТО, российские правящие слои акцентируют внимание на тенденциях негативных и сублимируют алармизм, имманентно присущий представлениям о любом военном союзе. По-видимому, они полагают, что образ "ужасного" Запада (точнее, его ипостаси – НАТО) будет востребован российским обществом. Здесь, правда, необходимо разъяснение. Оценка истинных масштабов натовской угрозы для нашей страны (и особенно ее военной составляющей) в целом выходит за рамки моего комментария. Это удел военных экспертов, в то время как я хотел бы остановиться на ее социально-психологическом резонансе.

Спору нет, быстрый рост количества стран-участниц Евроатлантического блока за счет наших бывших союзников по Варшавскому договору, равно как его географическое приближение к границам России, не может не создавать у части россиян некоторого психологического дискомфорта. В этой связи уместно вспомнить не только эпитет "агрессивный", намертво приросший к Североатлантическому альянсу с советского времени, но и русскую поговорку о палке, которая раз в год может выстрелить. И на первый взгляд, социологические исследования подтверждают наличие в общественном мнении изрядной доли опасений. Так, по данным Фонда "Общественное мнение" (ФОМ), Евроатлантический союз считают агрессивным военным блоком порядка 60% опрошенных россиян (мнения об оборонительном его характере придерживаются всего 17%), причем эта цифра практически одинакова у социально адаптированных "оптимистов" и неадаптированных "пессимистов", молодых (до 35 лет) и пожилых (старше 55 лет). Более того, чем выше достаток и уровень образования респондентов, тем в большей степени они разделяют алармистскую точку зрения: 64 и 57% (против 46 и 49% у тех, кто имеют образование ниже среднего и месячный доход – менее 1 тыс. руб. на одного члена семьи). В этой связи закономерно, что 40% опрошенных отнеслись к вступлению в НАТО семи восточноевропейских стран отрицательно (11% – положительно, 36% – индифферентно), а 51% увидели в этом увеличение военной угрозы для России (не увидели – 24%) [ФОМ, 2004].

Никоим образом не ставя под сомнение сами результаты исследования ФОМ, хотелось бы указать на его тенденциозность. Построенные в виде жесткой альтернативы ("или–или") вопросы, предполагающие "правильные" ответы, выявили, на мой взгляд, вовсе не реальный уровень оценки респондентами угрозы со стороны Европы, а скорее, живучесть негативных архетипических стереотипов, восходящих к мифам-страшилкам советского времени, и прагматизм продвинутой части россиян, чья привычка заботиться

⁵ Цитируется по официальному сайту партии Единая Россия (www.edinros.ru/news).

Рейтинг угроз России (в %)
(ответы ранжированы по последнему столбцу)

Вариант ответа	1996 г.	2000 г.	2004 г.	2008 г.
Рост цен, обнищание широких слоев населения	28	38	42	51
Рост преступности	24	28	27	32
Рост безработицы	24	36	25	30
Экономический кризис	23	32	31	22
Территориальный распад России	9	14	16	18
Расхищение национальных богатств иностранцами	9	19	22	17
Нарастание зависимости от Запада, превращение России в третьеразрядную державу	8	12	14	15
Безвластие, анархия; некомпетентность руководства	19	18	15	14
Новая война на Северном Кавказе	–	20	10	9
Передел собственности	2	2	4	4
Установление диктатуры	3	3	2	3
Ущемление интересов бизнеса (малого, среднего)	–	–	–	3
Массовые репрессии, преследования инакомыслящих	2	1	1	2
Ограничение гражданских свобод, выезд за границу	1	2	2	2
Другое	3	6	10	6

Источник [Аналитический... 2008^a].

Таблица 4

Структура страхов и тревог россиян (в %)
(ответы ранжированы по последнему столбцу)

Вариант ответа	1992 г.	2007 г.
Потеря близких	21	28
Война, гражданская война	24	18
Нищета, голод	19	14
Старость, болезни, беспомощность	10	11
Произвол властей, публичные унижения	12	10
Собственная смерть, физическое насилие	9	5
Гнев Божий, Страшный суд	4	4

Источник [ВЦИОМ, 2007].

о своем имидже, вероятно, начинает проявляться даже при заполнении анонимного опросного листа.

Это мое предположение подтверждается данными других исследований, оставлявших опрашиваемым бóльшую возможность для самостоятельного выражения своей позиции. Так, по данным Левада-Центра, предложившего респондентам ранжировать по значимости угрозы нашей стране, россияне вообще не включили НАТО в их перечень. Проблемы же, косвенно связанные с западным миром, оказались на седьмой позиции, зримо уступая по своей значимости проблемам социально-экономического характера (см. табл. 3).

С этими результатами коррелируют данные ВЦИОМ, исследовавшего опасения жителей России. Результаты опроса однозначно говорят о том, что в постсоветское время в массовом сознании респондентов произошла своеобразная десоциализация тревог: суммарная доля общественных страхов (война, произвол властей и т.п.) – 18%, почти в 3,5 раза ниже доли страхов персонального свойства – потери близких, нищеты, старости, болезней и пр. (см. табл. 4).

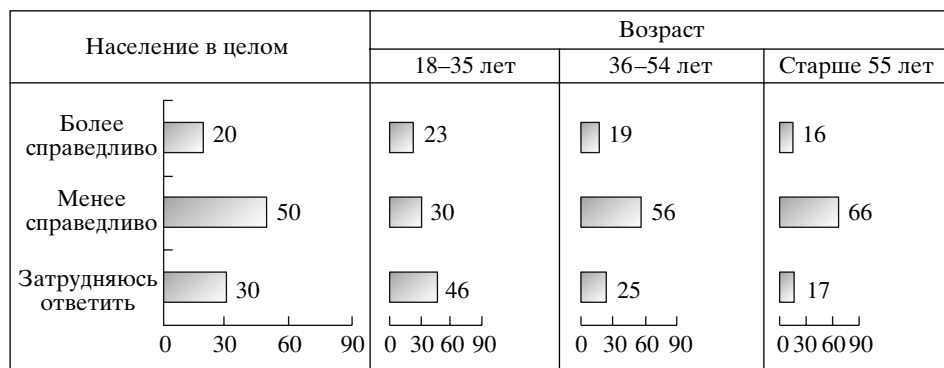

Рис. Справедливость устройства современного российского общества в сравнении с советским (эпохи 1970-х–1980-х гг.) (в %).

Источник [ФОМ, 2007].

Оценивать такие подвижки массового сознания можно по-разному, но ясно одно: целесообразность культивирования современной российской властью "политики страха" и других остаточных механизмов мобилизационного общества вызывает большие сомнения. Деньги налогоплательщика, затраченные на агитпроп, работают неэффективно. Не говоря уже о том, что потенциальная угроза, исходящая от НАТО как от любой военной структуры, в сознании граждан России блокирована любовью к единой европейской валюте, которая вспыхнула на фоне падения курса американского доллара⁶. Так что попытки актуализировать в массовом сознании образ Североатлантического "врага" следует, скорее всего, воспринимать как одну из политтехнологий, позволяющую купировать недовольство своим социальным положением россиян (аналог – запугивание населения угрозами возврата "семибанкирщины" времен Б. Ельцина). Ведь по данным проправительственного ФОМа, в 2006 г. – на седьмом году президентства Путина, которое по идее должно ассоциироваться с позитивными изменениями в жизни страны, доля людей, считающих современное российское общество куда менее справедливым, чем советский строй, в 2,5 раза превышала число тех, кто придерживаются противоположного мнения. И даже среди молодых таковых оказалось порядка одной четверти (см. рис.)!

Коль скоро, несмотря на демократический антураж, в России существует огромный разрыв между живущими как бы сами по себе обществом и государством⁷, игнорирование властями целого блока объективно существующих национальных проблем и подмена реальных попыток их регулирования разного рода суррогатными атрибутами общества-нации может разве что законсервировать существующее гибридное сознание социума. Что же касается использования современной российской властью разного рода технологий мобилизации общества (та же возгонка антинаатовских настроений), то, как показывает опыт собственный и зарубежный, в лучшем случае такие практики способствуют лишь расширению семантического поля народной "культуры интолерантности" за счет включения в него оруэлловского двоемыслия. В худшем же случае этничность под прессом политической мобилизации обретает форму "защитного патриотизма", ко-

⁶ Подробнее о двойственном отношении россиян к НАТО и Западу, сочетающем в себе подозрительность с прагматичными подходами и установками, см. [Зудин, 2007, с. 72–73].

⁷ 28% россиян убеждены, что даже в самые трудные для России времена власть в ней живет особой, отдельной от народа жизнью, а 42% – что согласованные действия государства и общества возможны только под угрозой национальной катастрофы [Аналитический... 2008⁶].

торый, по мере нарастания авторитарных тенденций, может трансформироваться в шовинизм или расизм [Победа, 2007, с. 25].

Увы, подобное развитие событий, как явствует из книги о странах Юго-Восточной Европы, часто приводит к кардинальным, но не в смысле глубины и значимости, а в смысле радикализма, переменам. Однако у России, как мне кажется, есть возможность избежать подобного сценария: преимущество страны с догоняющим типом развития состоит в том, что она может учиться на чужих ошибках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аналитический Центр Юрия Левады. Исторический путь России. 2008^а. 2 марта (www.levada.ru).

Аналитический Центр Юрия Левады. Национализм и ксенофобия. 2007. 29 августа (www.levada.ru).

Аналитический Центр Юрия Левады. “Россия для русских..?” 2006. 25 августа (www.levada.ru).

Аналитический Центр Юрия Левады. Отношения власти и народа в России. 2008^б. 13 марта (www.levada.ru).

Виноградов М. Причины национальной нетерпимости // Фонд “Либеральная миссия”. 2006 (www.liberal.ru/libcom.asp?Num=244).

ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 603. Россия для русских – или для всех? 2006. 21 декабря (www.wciom.ru).

ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 701. Чего бояться россияне? 2007. 30 мая (www.wciom.ru).

Зудин А.Ю. Традиционализация и укоренение политических инноваций: к постановке проблемы // *Общественные науки и современность*. 2007. № 4.

Кутковец Т., Клямкин И. Нормальные люди в ненормальной стране // Фонд “Либеральная миссия”. 2002 (www.liberal.ru/sitan.asp?Num=257).

Национализм в мировой истории. М., 2007.

Паин Э.А. Этнополитические условия гражданской интеграции российского общества // *Общественные науки и современность*. 2006. № 6.

Петров В.Н. Этнические мигранты и полиэтничная принимающая сторона: проблемы толерантности // *Социологические исследования*. 2003. № 7.

Победа Н.А. Толерантность: содержательные смыслы и социологическая интерпретация // *Социологические исследования*. 2007. № 4.

Пумпянский А.Б. Анти-Запад. Самая большая глупость российской политики // *Независимая газета*. 2008. 14 февраля.

Романенко С.А. Югославский миф и российская политическая элита: консенсус или расщепленное историческое сознание? // *Общественные науки и современность*. 2004. № 4.

Старовойтова Г.В. Национальное самоопределение. Подходы и изучение случаев. СПб., 1999.

Степун Ф.А. Нации и национализм // *Степун Ф.А.* Соч. М., 2000.

ФОМ. Расширение НАТО. Опрос населения. 2004. 5 апреля (www.fom.ru).

ФОМ. Что такое “справедливое общество”? Опрос населения. 2007. 8 ноября (www.fom.ru).

Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. М., 2007.

Goodenough W. Culture, Language and Society. Menlo Park, 1981.